

Новелла XXVII

О пугливом осле, который пугался, когда снимали шапки и о том, как Сен-Шело и Круаве обменялись штанами

Про мессира Рене Дю Белле,¹⁷⁸ не очень давно преставившегося в сане Ле Манского епископа, слышали многие. Будучи епископом, он весьма увлекался природой и особенно возделыванием земли, травосеянием и садоводством. В имении Тоннуа у него был конный завод, где он разводил породистых лошадей, и это занятие доставляло ему тоже немало удовольствия. Обо всех его любимых затеях заботился дворецкий. Этому дворецкому кто-то из его друзей подарил осла, отличавшегося замечательными особенностями: он был такси рослый и красивый и так хорошо ходил иноходью, что с первого взгляда его все принимали за мула, тем более что и шерстью он подтверждал это сходство. За эти добрые качества дворецкий часто ссужал его одному чиновнику, и тот гарцевал на нем не хуже его самого, хотя он был искуснейшим наездником. Впоследствии этот осел достался одному священнику, по имени Сен-Шело (не знаю, было ли это его прозвище или его именовали так по какой-нибудь бенефиции, пожалованной ему сеньором). Как известно, у всякой вещи есть свои недостатки, и у этого осла был тоже недостаток, а именно – он был немного пуглив. Да что я говорю «немного»? Надо сказать, что очень пуглив. Достаточно было сделать перед его глазами малейшее движение, как он принимался скакать и прыгать, и седоку приходилось держаться за него изо всех сил, чтобы не свалиться на землю. Поэтому Сен-Шело, не принадлежавший к числу хороших наездников, то и дело перелетал через его голову. Какая-нибудь ветка на повороте дороги или неожиданная встреча с прохожим уже пугала этого осла. Даже если у Сен-Шело выпадал из рукава требник, осел от одного только шороха падавшей книги приходил в такой страх, что принимался прыгать, как обезумевший, и сбрасывал священника на землю. Но особенно пугался он, когда при нем снимали шляпы. Когда его сеньора кто-нибудь приветствовал, – а подобным лицам кланяются все, – осел, увидев, как движется шляпа, приходил в бешенство. Он пускался бежать во всю прыть, словно его несли черти, и всякий раз сбрасывал бедного Сен-Шело в какую-нибудь рытвину или топь. Во избежание подобных несчастий, вызываемых встречами, он был вынужден ездить всегда позади свиты и избегать компании. И если случайно он замечал какого-нибудь знакомого, едущего к нему навстречу, то еще издали кричал ему: «Сударь, пожалуйста, не кланяйтесь мне!» А бывало, иной проказник еще нарочно отвешивал ему почтительнейшие поклоны и снимал шляпу, чтобы посмотреть, как осел вздурится и начнет выделывать скачки. Иногда Сен-Шело заезжал вперед тех, кто ехал медленнее его, для того чтобы, во-первых, избежать подобной опасности, а во-вторых, – пораньше добраться до чарки и завалиться спать, чтобы сеньор не заставил его читать молитву.

Однажды в середине лета, в полуденную жару, находясь в пути, сеньор решил сделать привал и подождать, пока жара не спадет, а Сен-Шело с одним из его посыльных, по имени Круазе, поехал вперед. Так как переезд был небольшой, то они добрались до гостиницы довольно рано, освежились, выпив малую толику, а освежившись, выпили еще и заказали в ожидании прибытия кортежа ужин. Но, видя, что сеньор не едет, они с аппетитом поужинали тем, что было повкуснее, и, так как кортеж все еще не показывался, то поручили все заботы об ужине хозяину и повару, который приехал одновременно с ними, а сами, заняв маленькую яacobинскую келейку,¹⁷⁹ расположились в ней поудобнее и принялись играть в храпки. Но скоро приехал и сеньор. Узнав, что наши герои уже улеглись спать, слуги не стали их пока беспокоить, а после ужина тихонько вошли в их комнату, когда те еще не кончили первого сна. Надо заметить, что Сен-Шело был столь худ, что кости его выпирали сквозь кожу, между тем как Круазе делал своему повару такую же честь, как Сен-Шело его позорил: он был такой жирный и пухлый, что вы прокололи бы его рыбьей костью. Что же сделали слуги? Они взяли у спящих панталоны, распорол их пополам, сшили правую штанину одного с левой штаниной другого и левую одного с правой другого, а затем положили их

---

¹⁷⁸ Рене Дю Белле – епископ Ле Мана; он умер в 1546 г., то есть уже после того, как Дюперье завершил свою книгу (поэтому, видимо, упоминание о недавней смерти Дю Белле является вставкой издателей сборника).

¹⁷⁹ То есть уютную, теплую комнату, так как монахи-яacobинцы были известны своей любовью к удобной, даже изнеженной жизни.